

опального академика, но эта оппозиция лишена стремления к действию. Госбезопасность страны создавала все условия, чтобы почву, которая могла бы повлиять на возникновение оппозиционных действий большинства, подавить. С 1974 г. КГБ регулярно направляло в ЦК партии записки и в рекомендательной форме предлагало временами «на 5-6 месяцев» в год заморозить публичные выступления против Сахарова. «Это обстоятельство может создать видимость, — писалось в записке КГБ за март 1974 г., — что теперь, когда Сахаров лишен возможности контактировать ... с Солженицыным, он не представляет особой опасности для советского общества» [18].

Тем самым компетентная организация СССР, а за ним и ЦК КПСС признавали право за обществом на оппозиционное осмысление происходящих в стране событий. Было бы ошибкой думать, что такое «разрешенное» мышление серьезно угрожало политическому строю и экономическому развитию страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 276 с.
2. Redfield, R. Human. Nature and the Study of Society: The Papers of Robert Redford. Chicago, London, 1962. 385 p.
3. Foster, G. What is Folk Culture? American Anthropologists. Wash., 1953, vol. 55, № 2.
4. Брежнев Л. И.: Материалы к биографии. / Сост. Аксютин Ю. В. М., 1991. 235 с.
5. Коммунист. 1990. № 7.
6. Безбородов А. Б. Феномен академического диссидентства в СССР: Учебное пособие по спецкурсу. М.: РГГУ, 1998. 75 с.
7. Советская культура. 1988. 21 мая.
8. Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / Авторы и исполнители проекта А. И. Волков, М. Г. Пугачева, С. Ф. Ярмолюк. М.: Издательство Московской школы политических исследований, 2000. 616 с.
9. Архив А. Д. Сахарова. Фонд А. Д. Сахарова, документ № 10.
10. Proceedings of the Moscow Human Rights Committee. Copyright © 1972 by The International League for the Rights of Man, Inc. All rights reserved. 252 p.
11. Архив А. Д. Сахарова. Фонд А. Д. Сахарова, документ № 15, л. 5-10.
12. Архив А. Д. Сахарова. Фонд А. Д. Сахарова, документ № 12.
13. Архив А. Д. Сахарова. Фонд А. Д. Сахарова, документ ФСК ¾.
14. Архив А. Д. Сахарова. Фонд А. Д. Сахарова, документ № 8.
15. Сахаров А. Д. Тревога и надежда. 2-е изд. М., 1991. С. 19.
16. Сахаров А. Д., Турчин В., Медведев Р. Письма руководителям партии и правительства, 19 марта 1970 г., Архив самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен, АС № 360, т. 5.
17. Россия: семидесятые как предмет истории русской культуры. М., 1998. 303 с.
18. Архив А. Д. Сахарова. Фонд А. Д. Сахарова, документ № 32, л. 2.

*Владимир Александрович ШУЛДЯКОВ —
докторант кафедры дореволюционной
отечественной истории
Омского госуниверситета,
кандидат исторических наук, доцент,*

УДК 947+957

СИБИРСКАЯ АТАМАНЩИНА: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается уникальное явление Гражданской войны: военно-казачий вождизм, имевший место в казачьих районах Востока России в 1918 - 1920 гг. Акцент сделан на критике традиции предвзятости, тенденциоз-

ности в подборе источников и их интерпретации. Доказывается необходимость изучения феномена на основе комплексного использования документов и сравнительно с командирами и формированиями добровольческо-партизанского типа в Красной Армии.

The author considers one of the unique phenomena of the Civil war in eastern parts of Russia in 1918- 1920: «atamanshina@- the military-Cossack leadership. The focus is made upon criticism of the tradition of prejudice, bias in the selecting of sources and their interpretation. The author proves the necessity to study the phenomenon on the basis of complex use of all types of documents drawing parallels with similar military phenomenon of Red Army leaders and Red Army guerrilla groups

Феномен сибирской атаманщины относят ныне к одной из актуальных тем изучения истории Гражданской войны на востоке России. Исследователи обращают внимание главным образом на два аспекта проблемы: на сепаратизм казачьих атаманов и на проводимый ими террор в отношении политических противников и населения. Наиболее изучен сепаратизм дальневосточных атаманов Г. М. Семенова, И. П. Калмыкова, И. М. Гамова. Что касается белого террора, то он априори считается имманентным признаком атаманщины. И здесь авторы часто не жалеют «эпитетов» и «красок», рассматривая «непризнание каких-либо законов», «разнузданный террор, бесконтрольное насилие и полную анархию» как «природу сибирской атаманщины» [1].

«Досталось» от постсоветских историков и западносибирскому атаману Б. В. Анненкову. Далее всех пошел казахский автор М. Ж. Абдиров, который в своей «Истории казачества Казахстана» охарактеризовал его не иначе как «фанатичного деспота и садиста» [2]. Но какова доказательная база? Разве можно опираться исключительно на материалы «судебного процесса» над Б. В. Анненковым 1927 года, имевшего характер показательно-пропагандистского мероприятия?

Один из авторов «Истории казачества Азиатской России» В. Ф. Мамонов также указывает на «необычайную жестокость» Б. В. Анненкова и в доказательство приводит цитату из «Сведений» Войскового осведомительного отдела Сибирского казачьего войска от 2 октября 1919 г.: «Эти отряды ведут себя как дикари в стане покоренного врага. Никогда не случается, чтобы анненковец заплатил за что-нибудь, взятое у населения. Хватают все, что им нравится: лошадей, повозки, сбрую, кур, овес и т. д. Насилуют девушек и женщин, затаскивают их в те избы, где ночуют. Жители, узнав о приближении шаек Анненкова, угоняют в степь лошадей, прячут ценное имущество и разбегаются сами» [3]. Кажется, не цитата, а приговор «анненковщине», причем со стороны самих белых, одного из официальных органов колчаковского режима. И пример характерной тенденциозности в интерпретации документов.

Если обратиться к первоисточнику, выясняется, что в данных «Сведениях» передается информация Кокчетавского подотдела Войскового осведомительного отдела и речь идет об «анненковских отрядах» (поручика Браккера и др.), действовавших в районе г. Петропавловска и на почтово-земском тракте Петропавловск – Кокчетав [4]. Между тем сам Анненков со своей Партизанской дивизией с конца 1918 г. воевал на Семиреченском фронте, т. е. в 1100–1300 км по прямой линии от места действия, и непосредственно влиять на события в Петропавловском и Кокчетавском уездах никак не мог.

В Петропавловске и на кокчетавском тракте отличились в августе 1919 г. подразделения кавбригады полковника Белавенца: Полк черных гусар и Барнаульский полк голубых улан. Формально эта бригада входила в состав Партизанской дивизии Б. В. Анненкова, что нашло отражение в ее воинской символике, и сначала готовилась для отправки к атаману на Семиреченский фронт. Реально же она подчинялась штабу 2-го Степного корпуса и в конце концов была брошена не в Семиречье, а на Восточный фронт (в Екатеринбург).

Оба полка зародились после антисоветского переворота в Сибири как отдельные добровольческие эскадроны, отличавшиеся сознательностью и дисциплиной. Эскадрон голубых улан был сформирован из интеллигентной молодежи Барнаула в июне 1918 г. [5]. Добровольцы, вступавшие в эскадрон черных гусар, давали торжественное обещание не пить спиртных напитков [6]. В дальнейшем, при разворачивании эскадронов в полки, личный состав был разбавлен новыми добровольцами и мобилизованными, и его качество не могло не ухудшиться. Тем более лучший, 1-й, эскадрон Полка черных гусар (надо полагать, ядро трезвенников) ушел с Анненковым в Семиречье [7]. Бригаду Белавенца бросили в июне 1919 г. на фронт в совершенно сыром виде: без лошадей, седел, пулеметов, без холодного оружия, полевых кухонь и многого другого. Поэтому инспектор штабс-капитан Переведенцев, учитывая это, а также политическую благонадежность личного состава, в июле и советовал командованию использовать черных гусар и голубых улан «только для полевой жандармской службы вблизи фронта», т. е. для вылавливания дезертиров, дескать, «пощады изменникам не будет» [8]. Вероятно, так их фронтовое командование сначала и использовало. По-видимому, уже при отходе от Екатеринбурга, гусары и уланы, потеряв веру в организованную помощь тыла и во фронтовые органы снабжения, начали отбирать у крестьян лошадей и конскую амуницию. И продолжили это, когда были отведены в резерв 3-й армии [9]. А пассивное сопротивление зажиточных крестьян Приишимья (хороших лошадей можно было взять лишь у крепких хозяев) гасилось с помощью нагаек и шомполов. При бесконтрольности законные реквизиции на войне быстро перерастают в незаконные, а затем в открытый грабеж и другие насилия над населением.

Однако то, что сходило с рук в хаосе отступления, не прошло в Петропавловском и Кокчетавском уездах, где достаточно эффективно действовали и военные, и гражданские власти. «Великие безобразия» солдат Белавенца не остались незамеченными, главный начальник тылового округа Восточного фронта генерал А. Г. Георгиевский принял контрмеры. За различные уголовные преступления к 20 августа 1919 г. по приговорам военно-полевых судов было расстреляно 16 человек черных гусар и голубых улан, еще 2 офицера были отданы под суд [10]. Кроме того, зафиксирован факт уничтожения мародеров из бригады Белавенца, грабивших крестьян, прямо на месте преступления (одно из подразделений колчаковцев порубило шашками, как минимум, 8 чел.) [11]. Очевидно, тогда удалось более-менее очистить ряды кавбригады от уголовников, приглушить карательные настроения, морально оздоровить личный состав, вернуть ему боевой дух. В дальнейшем в боях за Звериноголовский плацдарм на Тоболе, в операции против крестьян-повстанцев в Степном Алтае, наконец, в Сибирском Ледяном походе, — полки черных гусар и голубых улан показали себя как одни из самых стойких белых частей.

«Некорректные поступки» гусар и улан благодаря прессе получили широкий общественный резонанс, пороча всю Партизанскую дивизию Б. В. Анненкова. Штабу 2-го Степного корпуса, в состав которого входила дивизия, пришлось в одном из приказов (№ 341, § 5, 20.10.1919 г.) специально указать: «...эти полки из состава войск атамана Анненкова фактически вышли уже давно, атаман Анненков деятельностью их не руководит, и ныне эти части совершенно исключены из состава Партизанской дивизии». Далее приказывалось «в ограждение славного имени Партизанской, атамана Анненкова, дивизии от совершенно посторонних на нее наветов» — «вышеизложенному придать самую широкую огласку через газеты» [12].

В сентябре 1919 г. «совершенно неожиданным» для самых принципиальных противников атаманины оказался доклад вернувшегося в Омск из инспекционной поездки в Семиречье начальника общего отдела штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н. П. Щербакова. Почему-то этот факт до сих пор остается не замеченным исследователями, хотя сведения о докладе содержатся в самых доступных

источниках. Управделами Совмина Г. К. Гинс вспоминал, что, по словам Щербакова, «Анненков — разумный и законопослушный человек, но что он не может признавать авторитета гражданских властей, потому что они беспомощны, а его, Анненкова, население слушается» [13]. Еще более важно мнение управляющего военным министерством генерала А. П. Будберга, человека аналитического ума с огромным служебным опытом, к тому же злого на язык пессимиста, вообще мало кому дававшего положительные оценки, мало кому верившего на слово. После доклада Щербакова военмин отбросил свое предубеждение и дал атаману высокую оценку.

Будберг писал: «Щербаков... вынес такое заключение, что все нарекания на Анненкова измышлены штабом южного отряда и что этот атаман представляет собой редкое исключение среди остальных сибирских разновидностей этого звания; в его отряде установлена железная дисциплина, части хорошо обучены и несут тяжелую боевую службу, причем сам атаман является образцом храбрости, исполнения долга и солдатской простоты жизни. Отношения его к жителям таковы, что даже и всеми обираемые киргизы заявили, что в районе анненковского отряда им за все платится и что никаких жалоб к анненковским войскам у них нет. Надо думать, что этот доклад достаточно близок к истине, так как Щербаков — человек наблюдательный, с собственным твердым взглядом и умением разбираться в вещах и людях; прежнее представление об Анненкове, как о сугубом разбойнике он объясняет враждебным отношением к этому отряду штаба генерала Бржезовского и теми двумя полками, которые под названием анненковских черных гусар и голубых улан навели ужас в тылу своими грабежами и насилиями над мирным населением. По словам Щербакова, эти полки не были в подчинении Анненкова, и последний много раз просил, чтобы их прислали ему в отряд, и он быстро приведет их в порядок, но в этом ему было отказано. Те сведения, которые приведены в докладе Щербакова об устройстве анненковского тыла и снабжений, дают полное основание думать, что в этом атамане большие задатки хорошего организатора и самобытного военного таланта, достойного того, чтобы выдвинуть его на ответственное место» [14].

Таким образом, при изучении атаманщины одни документы, как и прежде, игнорируются, другие используются тенденциозно. Отдельные сведения вырываются из контекста источника и без всякой внутренней критики выдаются за исторический факт. Признаки частного переносятся на явление, даже в тех случаях, когда частное и явление имеют лишь косвенную связь, не совпадают по территориальным рамкам и во времени. Фактически исследователи опираются не на комплексы, а на отдельные разрозненные документы, которые нельзя признать репрезентативными.

Советская публицистика и историко-партийная литература сформировали в общественном сознании негативные образы белых атаманов и созданных ими военно-политических режимов. В том числе и за счет тенденциозного подбора документов. Эти исторические мифы довлеют над исследователями до сих пор, чему в немалой степени способствуют два обстоятельства. Во-первых, те жестокости, которые присущи любой гражданской войне и к которым, несомненно, были причастны атаманы, не укладываются в сознание человека рубежа XX–XXI вв., которому более близки гуманность и толерантность. Во-вторых, сами же белые дали массу материалов с негативной оценкой атаманщины. Дело в том, что гражданские власти белой Сибири пытались сохранить дореволюционное правовое поле, а атаманы, практиковавшие реквизиции, затрагивали интересы весьма влиятельных общественных групп и частных лиц. При относительной свободе слова многие случаи нарушения законности и порядка попадали на страницы печати, и военные власти подвергались резкой общественной критике. Но можно ли из этого делать выводы о глубокой порочности атаманщины и белой «военщины» в целом?

Вот томская «Сибирская жизнь» сообщает об угрозе войскового атамана Уссурийского казачьего войска И. П. Калмыкова в адрес харбинской газеты «Новости

жизни». Атаман прислал в ее редакцию телеграмму: «Руководствуясь русской поговоркой: «Собака лает — ветер носит», — я до сих пор не обращал внимания на ваши «из достоверных источников» сведения обо мне. Видя же явно провокационную цель их, предупреждаю, что безнаказанно трепать мое имя заведомо ложными сведениями я не позволю». И что же приводит «Сибирская жизнь» в доказательство того, что И. П. Калмыков действительно может расправиться с обидевшими его газетчиками? Приказ атамана по Хабаровскому гарнизону такого содержания: «Комендантские адъютанты учреждены не для представительства и не для того, чтобы в белых аксельбантах «дежурить» полным составом в «Чашке чая» [15], они должны быть ближайшими помощниками коменданта в его сложных обязанностях. За манкирование службой приказываю всех комендантских адъютантов выдержать по очереди по семи суток под арестом с содержанием на гауптвахте. Если эта мера окажется недейственной, немедленно сместить всех с должностей как несоответствующих» [16]. Спрашивается, что в этом приказе Калмыкова страшного? Обычное наказание военного времени за небрежное отношение к служебным обязанностям. За такой проступок в Красной Армии в Гражданскую войну военспец из бывших офицеров мог поплатиться жизнью, а в Великую Отечественную командир рисковал быть разжалованным в рядовые и посланным в штрафбат «искупать вину»... Тем не менее вышеприведенный приказ был преподнесен читателю так, чтобы дискредитировать атамана уссурийцев.

Позицию официальной «Сибирской жизни» в данном вопросе, по-видимому, можно объяснить той острой идейной борьбой между колчаковцами и семеновцами, которая стала следствием конфликта между Верховным правителем и дальневосточными атаманами. Но газетные кампании против «военщины» организовывались в Сибири и по материальным причинам. 26 сентября 1918 г. на станции Чаны есаул Сургутский, командир 1-й запасной сотни Партизанского отряда Анненкова, с санкции атамана конфисковал 30 ящиков спичек. Все попытки владельца товара — «Сибирской компании» — получить хотя бы денежную компенсацию успехом не увенчались. 15 октября того же года на заводе «Мариинского товарищества» в Каинске Сургутский реквизировал до 6 тысяч ведер спирта. Вмешательство томского губернского комиссара не помогло. Оба факта получили большой резонанс, освещались в печати. Вывод общественности, газетчиков, а за ними и историков, однозначен: военной властью в лице Сургутского допущено «злоупотребление», «противозаконие» [17].

Но если посмотреть на эти факты с точки зрения белых партизан? Атаманы сами, на свой страх и риск формировали и разворачивали отряды, ничего или почти ничего не получая от казны и самостоятельно изыскивая средства. Их войска реально сражались на фронтах и жестоко страдали от нехватки материальных ресурсов. И когда перед командиром вставала альтернатива: оставить своих солдат голодными, раздетыми или отобрать необходимое, — он делал выбор отнюдь не в пользу гражданских лиц и организаций. Реквизированные атаманами товары, как правило, продавались, а вырученные деньги шли на содержание отрядов. Верни есаул Сургутский спирт, он достался бы чехам, т. к. якобы еще в 1917 г. этот спирт был приобретен правительством Франции для нужд своего Генерального штаба, а чехословацкий корпус считался составной частью Французской армии. Очевидно, действия Сургутского и получили такой резонанс, что затронули материальные интересы не только «Сибирской компании», но и такой силы, как интервенты. Чехословаки, между прочим, сами не упускали шансов и конфисковали на востоке России массу товаров и ценностей. Наверное, с точки зрения интересов русских белых войск Анненков с Сургутским поступили правильно. Прежде чем соглашаться или не соглашаться с этим выводом, следует вспомнить, что изъятие различных видов собственности: земли и промышленных предприятий, денег и жилья, продуктов питания и личных вещей, — являлось основой советской политики периода Гражданской войны [18].

И на фоне масштабных конфискационных мероприятий большевиков «злоупотребления и противозакония» сибирских атаманов просто меркнут.

Итак, при анализе источников следует, во-первых, учитывать мотивы содержащейся в них критики атаманщины, а во-вторых — обязательно сравнивать «белый большевизм» атаманов с большевизмом подлинным — красным. Сравнение особенно необходимо при оценке масштабов и глубины террора. В советское время о контрразведках, застенках, «вагонах смерти» атаманов было написано немало, причем правду от вымысла отделить очень трудно, порой невозможно. Однако и в этом вопросе современным обличителям атаманов и белого террора следовало бы попридержаться свой «праведный гнев». Ведь опубликованы Ю. Г. Фельштинским акты и фотодокументы «Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков», состоявшей в 1919 г. при Главкоме ВСЮР генерале А. И. Деникине. Орудия пыток, отрубленные головы и конечности, содранные с людей куски кожи, отрезанные языки, носы, половые органы, груди, выжженные глаза, оскальпированные черепа, — не перечесть ужасов, совершенных в подвалах харьковской, херсонской, одесской и иных чрезвычайек [19]. И в Сибири ситуация принципиально не отличалась от общероссийской. «Атмосфера чека переполнена грубостью, цинизмом, кровью, предательством, пьянством и развратом, — доносил 16 июня 1920 г. об обстановке в Енисейской губЧК член Сибревкома В. Н. Соколов. — Это неизбежное физиологическое последствие систематических кровавых расправ на всем протяжении трехмесячной работы Вильдгрубе и Иванова. Допросы с пристрастием [и] угрозами — это мелочь... Расстреливали в подвалах на дворе. Говорят о пытках в этом подвале, но когда я его осматривал [он] оказался закрытым, и я подозреваю, что его подчистили. Кровь так и стоит огромными черными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах, лестница открыта. Я прямо испугался. Гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избияния перед смертью в подвале... Отбираемые все запасы, ценности не сдаются, а остаются в распоряжении чека. Арестовывают семьями по личным счетам, по доносам [секретных] или иных сотрудников. Говорят, были случаи расстрела раньше вынесенного приговора и еще такие, после которых признавалась их преждевременность» [20].

Не думаю, что чекистские подвалы были менее страшны, нежели застенки анненковской или семеновской контрразведки. Точно так же современные исследования коммунистических частей Гражданской войны дают черты, очень близкие к внешним признакам отрядов сибирских атаманов, а именно: собственные представления о законности и справедливости, крайне слабый контроль со стороны вышестоящих штабов, «высокая степень самостоятельности», самовольство и произвол «полевых командиров», «практически полная безнаказанность действий чоновцев в отношении как повстанцев, так и мирного населения», высокая боеготовность коммунистов, сражавшихся за жизнь и за власть в родных местах, участие наиболее боеспособных ЧОН в «красном бандитизме», попустительство чоновцам со стороны политического руководства [21]. Несмотря на специфические черты обоих явлений, «белая атаманщина» и «красная партизанщина» Сибири имели, вероятно, некую общую основу, обусловленную культурой народа, психологией эпохи, театром боевых действий. И наиболее плодотворным представляется их сравнительное изучение.

В целом остается актуальным мнение И. В. Наумова, что концепции сибирской атаманщины пока не создано, что эта интересная и поучительная тема, в которой столько «белых пятен», все еще ждет своего исследователя [22]. В свое время народный социалист С. П. Мельгунов в «Трагедии адмирала Колчака» отмечал, что в картине «атаманщина» «слишком сгущены краски» и в будущем должна быть написана «критическая история» этого явления [23]. Сегодня общественные и методологические предпосылки для решения этой задачи имеются. Следует только помнить,

что главный закон всякой войны — это уничтожение противника, а гражданская война наиболее беспощадна, и подходить к ее изучению надо с учетом реалий и психологии той эпохи, а не сегодняшнего дня, причем стараясь не отдавать явного предпочтения ни одной из противоборствовавших сторон.

¹ См.: Наумов И. В. Сибирская атамановщина 1918–1920 гг. в освещении отечественных историков // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 62-63; Немчинова Т. А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002. С. 126-131.

² Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. С. 114.

³ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 3. С. 86.

⁴ РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 22. Л. 3-4.

⁵ Звегинцов В. В. Добровольческие части в Сибири // Военная быль. Париж, 1968. № 90. С. 26; Камбалин А. И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Белая гвардия. М., 1997. № 1. С. 66.

⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 12 февраля.

⁷ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 24. Л. 78 об. 79.

⁸ Там же. Л. 82, 84.

⁹ См.: Там же. Д. 91. Л. 13, 39, 40 и др.

¹⁰ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 276.

¹¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91. Л. 13.

¹² За Родину (Семипалатинск). 1919. 29 октября.

¹³ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 2. С. 378.

¹⁴ Будберг А. П. Указ. соч. С. 318.

¹⁵ Одно из хабаровских кафе.

¹⁶ Сибирская жизнь. 1919. 26 января.

¹⁷ Симонов Д. Г. История II Степного корпуса белой Сибирской армии. Новосибирск, 2001. С. 46.

¹⁸ См.: Харченко К. В. Власть — Имущество — Человек: передел собственности в большевистской России 1917 — начала 1921 гг. М., 2000. 264 с.

¹⁹ См.: Красный террор в годы Гражданской войны. Лондон, 1992. 432 с.

²⁰ Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1994. № 2. С. 50-51.

²¹ Кузнецов Д. С. Организация управления в частях особого назначения Западной Сибири (1920–1924 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Новосибирск, 2003. Ч. I. С. 127-130.

²² Наумов И. В. Указ. соч. С. 63.

²³ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. III. Т. 1. С. 233.

Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
профессор кафедры отечественной
истории, доктор исторических наук

УДК 377 (571.12)

ТЮМЕНЬ И ТЮМЕНЦЫ В 1920-Е ГОДЫ

АННОТАЦИЯ. Анализируются основные тенденции развития г. Тюмени и повседневная жизнь горожан в условиях нэпа.

The author considers the major tendencies of Tyumen development and daily life of city dwellers in the period of new economic politics.

Парадоксально, но Тюмень не скатилась в «демографическую яму», куда после революции и двух войн, Первой мировой и Гражданской, попала истерзанная Рос-